

М. Я. Сюзюмов

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛЬВА ДЬЯКОНА

О личности Льва Дьякона, о его мировоззрении, политических взглядах обычно писали только на основании его труда «История». В настоящее время положение несколько изменилось в связи с открытием энкомия «Льва Дьякона к Василию автократуру слово», принадлежность которого историку Льву Дьякону Калойскому может считаться несомненной. Энкомий сохранился в рукописи, по письму относящейся к XIV в. и хранящейся в Оксфорде, из Болейановской библиотеки, кодекс Барокцанский греческий № 131. Кроме энкомия в рукописи помещены различные письма и речи Пселла, Влеммида, Манасси, Оловола, Михаила Акомината, Евстафия Фессалоникийского, Никиты Фессалоникийского¹. Энкомий долгое время не изучался, и только в 1933 г. И. Сикутрис опубликовал его в Афинах². Для удобства энкомий разделен на 20 параграфов.

Энкомий представляет собой типичное льстивое славословие в честь императора Василия, причем прямо-таки чувствуется стремление блеснуть вычурными фразами и сверхчудовищными сравнениями! Поскольку в энкомии четко говорится о предшествующих императорах Македонской династии (§ 8), то не подлежит сомнению, что речь идет о Василии II.

Второй вопрос, можно ли автора энкомия отождествить с историком Львом Дьяконом. В этом отношении решающим аргументом является то обстоятельство, что автор энкомия, обращаясь к императору Василию, благодарил его за то, что тот «не обошел вниманием меня, ничтожного» человека, но «причислил к своим слугам по особенно свойственной тебе снисходительности» (§ 19). Этому соответствуют данные из «Истории» Льва Дьякона, который сообщает в 10-й книге: «на беду мою я сопровождал государя, неся службу диакона» (Л. Д., X. 8). Трудно допустить, что при дворе императора Василия было два одноименных дьякона одновременно, которых император пригласил в свое окружение. К тому же содержание энкомия может вполне дополнить понимание «Истории», и наоборот, «История» Льва Дьякона может дать объяснение некоторым местам энкомия. Чтобы не впадать в гиперкритику, можно принять как достоверное, что и автор энкомия и историк Лев Дьякон — одно и то же

лицо. Это в значительной мере облегчает вопрос о мировоззрении Льва Дьякона, поскольку данные «Истории» можно соединить, противопоставить и сопоставить с данными энкомия.

Третий вопрос — датировка энкомия. Что касается исторического труда, то можно считать как несомненное, что Лев Дьякон закончил писать его примерно в 989—990 гг. В «Истории» говорится, что никто, кроме Цимисхия не мог побеждать болгар (Л. Д., VI, 9). Это невозможно было писать после крупных побед Василия II (взятие в плен царя Романа — 991).

Лев приводит как совсем недавнее событие взятие Владимиром Херсонеса, но ничем нигде в подробных известиях об отношениях с Русью не показывает, что ему известно о крещении Руси и о последующем союзе Владимира с Византией. Более вероятным можно считать 991 г. — *terminus ante quem* ³.

Лев Дьякон в 10-й книге описал подавление мятежа Льва Фоки и смерть его. Смерть Фоки датируется 13 апреля 989 г. ⁴ Последнее событие в «Истории» Льва — это великое землетрясение — 26 октября 989 г., что можно считать *terminus post quem*.

Общий пессимистический тон истории Льва Дьякона объясняется тем, что он писал в то время, когда Василий II еще не мог проявить себя, как крупного исторического деятеля.

Что же касается датировки энкомия, то очень важно определить обстановку, в которой Лев Дьякон произносил эту речь. Издатель энкомия Сикутрис считает несомненным, что энкомий сочинен был в первые годы правления Василия, когда он был еще молодым человеком, т. е. скоро после вступления на престол примерно в 980 г. Мотив этой датировки — положения энкомия о том, что император Василий, несмотря на молодость, не поддавался увлечениям юности в отношении удовольствий (§ 6). Но в энкомии противопоставляется император, который вступил на престол, когда царство почти погибало (§ 8) от незаконно правивших, а потом говорится, что когда власть императора значительно окрепла, он совершенно не возгордился! (§ 9). Ясно, что противопоставляются два периода правления Василия II: начало, когда император был юн, царство почти «погибало и едва дышало» и вторая половина — укрепление власти. Катастрофическое ухудшение можно отметить только в 986 г., после поражения в Болгарии, когда Фока соединился со Склиром. Именно в то время император Василий издал полную пессимизма новеллу 988 г.:

«С тех пор, как это постановление вошло в силу и до настоящего дня никакой, даже самонаименьшей удачи мы не встретили в нашей жизни, но напротив, не осталось такого вида несчастья, которого мы ни испытывали бы!» ⁵.

Еще один довод в пользу более поздней датировки энкомия: в § 10 говорится о снисходительности Василия, что он мягко поступает с провинившимися подданными и самым милосердным образом возвращает их в прежнее состояние. Каков же подтекст этих строчек? Василий II известен как беспощадный каратель. Конечно, такие факты, которые могли иметь вес у людей того времени, — это либо возвращение Льва Фоки пос-

ле опалы на должность командующего армией, или, что может быть более вероятным,— на прощение Варды Склира после капитуляции его, когда Василий простил мятежника и даровал ему титул куропалата..., т. е. в 989 г.

В пользу более поздней датировки можно привлечь и то, что Лев как бы извиняется за долгое молчание, что он только в последнее время под влиянием несомненных удач императора решился произнести хвалебное слово... (§ 1, § 3, § 4). Таким образом можно считать, что энкомий был произнесен примерно после того, как несколько упрочилось положение в Византии, после подавления мятежа Варда Фоки и после капитуляции Варды Склира...

Исходя из этих положений мы попытаемся дать характеристику личности Льва Дьякона как по его «Истории», так и по энкомии.

Лев Дьякон происходил из невидной, но, по всей вероятности, состоятельной провинциальной мелкой знати Фракийской фемы. Несмотря на то, что Лев не указывает на положение своего отца, по-видимому, тот был достаточно зажиточен, что мог воспитывать своего сына в Константинопольской высшей школе, к тому времени процветавшей в столице Византии. Лев Дьякон получил энциклопедическое образование⁶, в которое входили и грамматика и поэтика, астрономия, геометрия и, безусловно, знакомство с античной мифологией и некоторые ссылки на модифицированные в христианском духе положения античных философов.

В «Истории» Лев Дьякон старается блеснуть своими знаниями астрономии; вместо наименований месяцев года он иногда ссылается на нахождение солнца в определенном созвездии (Л. Д., III, 1; III, 11). Описывая затмение, он объясняет — луна заслонила солнце, стала перпендикулярно к нему (Л. Д., IV, 11).

Середина IX—X вв., особенно время Константина Багрянородного, ознаменовались усилением внимания к античным и ранневизантийским авторам — Лев Дьякон повсюду старается использовать их труды, ссылается на Геродота (Л. Д. I, 1) знает о Семирамиде. Подобно античным историкам включает в изложение придуманные речи полководцев. Знает имена философов Анахарсиса и Замолксиды (Л. Д., IX, 6) (то же по Геродоту или Страбону). Приводит сведения об основании Андрианополя сыном Агамемнона Орестом (Л. Д., VIII, 2).

Еще ярче блистал своими знаниями античной мифологии Лев Дьякон в энкомии: тут и коза Амальфея, и Лернейская гидра и спящий Эндимион (§ 6, 8), Геракл, Тидей.

Хотя ни в «Истории», ни в энкомии нет особенных экскурсов в философию, но тем не менее чувствуется, что Лев Дьякон кое-что получил от энциклопедического высшего образования. В энкомии мы встречаем ссылку на Менексена Платона (§ 5) и рассуждения о трех сестрах по платоновскому трактату о законах (§ 7). В энкомии Лев Дьякон ссылается и на античные комедии (Аристофана «Облака») — (§ 18). Нельзя, конечно, быть уверенным, что Лев Дьякон читал в подлиннике Аристофана и особенно Платона и Аристотеля, однако он мог все эти знания приобрести во время лекций от учителей, занимающихся предметами энциклопедического образования.

Разумеется, Лев Дьякон в школах получил достаточные сведения о Гомере и его героях, цитирует стихи Гомера (Л. Д., IV, 5; VI, 7; IX, 6; X, 8), использует часто Гомера для своих сравнений. Это касается и личности Ахилла. Гомеровские сказания об этом герое перемешивались с географическими данными, закрепленными у Страбона (XI, 2) о Мирмикии и Ахиллеи, переосмысливались в легендах, развившихся в греческих колониях переселенцами, желавшими культом старинных героев сохранить свою связь с греческим народом. Учреждая культ Ахилла, колонисты Северного Причерноморья стали создавать легенды о том, что их места были местопребыванием и даже родиной гомеровского героя. Так появились легенды о скифском происхождении Ахилла. Лев Дьякон приводит подробную цитату из сочинения Арриана, который якобы свидетельствовал о том, что Ахилл был скифом и позднее был изгнан за жестокость... Но у Арриана этих сведений нет, говорится только о храме Ахилла на острове Белом, и о наличии предания о Фетиде, поднявшей остров для Ахилла. Очевидно, Лев Дьякон, хотя и цитирует Арриана, но заимствовал сведения из других источников. Но связь Ахилла с Северным Причерноморьем была распространена в мифологии и культе античности. Возможно, что колонисты, смешавшись с местным населением, поддавшимся влиянию греческой культуры, этим старались утвердить эллинизацию среди родовой знати местного населения. Легенду о скифском происхождении после выступлений Фотия стали приспособлять к загадочному, доселе неизвестному народу Рос. Лев Дьякон в описании войны со Святославом, очевидно, под влиянием храбрости и воинственности Святослава распространил легенду о скифском происхождении Ахилла на народ Рос (Л. Д., XI, 6). Эти легенды в связи с богословским толкованием Иезекииля о народе Рос были популярны в школах Константинополя в X в., особенно после появления на исторической сцене древнерусского народа. Толкование слов Иезекииля в греческом переводе 70 толковников о происхождении народа Рос развивались в комментариях к Апокалипсису у Андрея Кесарийского и Арефы⁷. Таким образом Лев Дьякон пришел к выводу о русском происхождении героя Илиады Ахиллеса!

Несмотря на преклонение перед античностью, Лев Дьякон тем не менее полно показывает себя православным христианином. В «Истории» и в энкомии Лев часто использует церковные выражения, цитирует тексты из Нового и Ветхого завета, из псалмов Давида, посланий апостола Павла.

Лев Дьякон не пишет, как он, духовное лицо, стал историком. Он отметил только свою цель не оставить без следа в памяти человечества тех «ужасных и достойных удивления» событий, свидетелем которых он был. Можно считать, что историком он стал, увлекшись чтением исторических трудов византийских авторов V—VII вв. Исторические аналогии, образы и сентенции были объектом изучения в энциклопедическом образовании. Можно даже заключить, что Лев не только использовал полученные им за время обучения сведения о прошлом Византии и античного мира, но самостоятельно и детально разбирался в сочинениях ранневизантийских историков — в данном отношении несомненным является изучение

им труда Агафия — «История царствования Юстиниана». Но нигде, ни в «Истории», ни в энкомии нет никаких аналогий, никакого намека на царствование и на личность Юстиниана. Влияние Агафия касается формы изложения и употребления отдельных выражений, которые очень часто Львом Дьяконом приводятся дословно. Можно отметить подробные заимствования и у Прокопия и у Приска.

Однако Лев Дьякон не переписывает из изученной литературы отдельных положений. Мы можем найти у Льва Дьякона и самостоятельные мысли, безусловно навеянные ему высшим энциклопедическим образованием в юности. Пользуясь источниками, он самостоятельно определяет задачи истории.

Конечно, для всех античных и средневековых историков считалось общим положение о том, что история учит людей на прекрасных примерах прошлого и предостерегает от неправильных вредных поступков и действий! Одним подражать, других избегать! Но понимание пользы истории у Льва несколько иное, чем у Агафия. Несмотря на дословное сходство выражений, Лев Дьякон не принимает основного положения Агафия, что история, сохраняя от забвения человеческие дела, дает славу, и что ради этой славы люди стремятся увековечить память о своих подвигах через историю. Этого лейтмотива Агафия у Льва нет — у него только соображения о пользе для общества!

Предисловие Льва во многом отличается и от предисловия Феофилакты Симокатты, который на первый план ставит эмоциональную сторону исторического изложения, удовольствие от рассказов, видит в истории «усладу», извиняется, что не может особенно изысканной речью украсить свой труд. Лев, наоборот, пишет только об истине — ничего не говорит об «усладе». История у него — серьезная наука! Он присоединяется к положению Прокопия, утверждая, что «риторике присуща сила выражения, поэзии — мифотворчество, а история — истина» (ЛД. 1, 1). Лев Дьякон реалистически подходит к значению истории.

Интересно стремление дать самостоятельную систематизацию всех исторических явлений и событий. Лев считает, что одни события развиваются в результате действия времени *fora tou Chronou* (Л. Д. 1, 1), т. е. это признание времени движущей силой истории является примитивным выражением понятия развития; другие события по Льву развиваются в результате стечения обстоятельств — *ton pragmaton kylindein* (словоупотребление Аристотеля). Это результат обстановки в целом, включая и случайности в широком смысле слова, в том числе и изменения международного положения... Именно события такого рода и занимают Льва Дьякона как историка. События по Льву Дьякону развиваются *eiothen*, по естественной необходимости. Мы можем это сравнить с античным понятием *fyseos oikonomia*. В данном случае мы тоже констатируем у Льва Дьякона неосознанное признание закономерного развития событий, что скрывается у него под словами «судьба» и «провидение». Явлениям этого рода Лев Дьякон противопоставляет *prosaïresis* — произвольное самостоятельное решение тех лиц, которые *ton kechremenen tois pragmasin* занимаются государственными делами.

Нужно заметить, что хотя Лев Дьякон был клириком, тем не менее,

он в трактовке исторических событий не говорит в духе Евсевия о воле Божьей, он имеет в виду или Аристотелевскую силу обстоятельств *fora ton pragmaton* или *Tuche* — в смысле предначенной судьбы (См. Л. Д., VI, 2 *Tuche kai fora ton pragmaton*).

Связывая с «судьбой», Лев всякое явление подчинял окружающим обстоятельствам. Уроки истории по Льву не всегда могут быть использованы, они ограничены окружающим миром... Так, Лев вкладывает в уста Льва Фоки такие слова: «Я сам читал книги древних, но думаю, что использовать их наставления можно только поскольку позволяют обстоятельства дел *ta pragmata dechontai* (Л. Д., VII, 7).

Но вместе с тем Лев верит в приметы, особенно астрономические — нужно иметь в виду, что вера в приметы ничего общего с религиозным мировоззрением не имеет: астрология и магия являлись в то время как бы особыми светскими науками; комета и огненные столбы не влияли на события, но только возвещали, подобно всем астрономическим явлениям; совершенно неверующий в богов мог верить во влияние отдельных созвездий на жизнь человека, словно созвездие своим светом оказывает материальное влияние на организм и психику человека. Лев Дьякон отметил, что предсказания, очевидно, на основании астрологии, давались и светскими, наиболее блиставшими ученостью лицами *ton sofon ontes ellogimoteroi* (Л. Д., X, 6).

Лев сообщает, что многие люди верят в то, что различные природные стихийные бедствия, а также войны и т. д. предвещали конец света, второе пришествие Иисуса Христа (особенно принимая во внимание, что по византийским расчетам приближался 1000 год со времени рождения Иисуса Христа, который падал на 992 г. н. э.). Но Лев не присоединялся к этому верованию, выявляя словами *hos pollois dokein* («как многие полагают»⁹) свою позицию.

Лев часто рассказывает о различных чудесах, но нигде не передает эти рассказы как факт. Он просто передает услышанное по формуле: «рассказывают, что» («говорят, что с этой божественной иконой произошло необыкновенное чудо». — Л. Д., X, 5). Рассказ о победе Цимисхия над Святославом Лев обставил рядом чудес о появлении на белом коне великомученика Дмитрия Фессалонийского, но тут везде прибавляет «говорят» *legetai gar — fasi de...* (Л. Д., 9,9).

Можно сказать, что хотя Лев Дьякон и был клириком, но христианство, в особенности обрядовое, он принимал со всеми внешними сторонами, догматические же положения его не интересовали, поскольку нигде нет о них никаких данных, аскеза и монастыря жизнь его не увлекала, хотя он и вносит некоторые моменты из жизни святых подвижников того времени. Античная вера в судьбу заменяла у него понятие предопределение. Странно для христианина духовного писать такие строки: «Как казалось сама Тиха радуется и гордится произведением ею и тем, что все дела зависят от нее и ничто из земных благ не может никому принадлежать лично» (Л. Д., III, 8). Он полностью воспринял богине Тихе (Л. Д., I, 4). Так Лев сообщает, что и Никифор Фока надеялся на благосклонность Тихи — судьбы (Л. Д., III, 6).

Лев Дьякон почти везде, говоря о судьбе, полностью во власти языческих представлений, и хотя и был духовным лицом, но писал не о «попущении Божьем», и о злосчастном действии Тихи (Л. Д., 1, 5). Интересно отметить, что когда речь идет о несчастьях, то Лев обвиняет Тиху — судьбу, а когда передает о счастливых для византийцев событиях, то наш историк говорит о силе Всевышнего, например, направляющего византийцев на освобождение острова от власти арабов. В энокмии Лев считает, что Богу свойственно делать добро — (§ 15). Но в отношении стихийных бедствий — они тоже от бога (IV, 9).

Лев Дьякон пессимистически смотрел на человеческое счастье. Он повторял часто встречавшийся мотив у древних — «invidia deorum» — «зависть богов — судьба никогда не дает людям полного счастья, а всегда к благоприятному присоединяет какое-нибудь несчастье» (Л. Д., 1,4). Совсем в языческом стиле Лев Дьякон пишет о храбром и сильном Льве Фоке, как о человеке, в котором действовала «какая-то» божественная сила, которая ему помогла против неприятелей во время сражений, причем он прибавляет, что это его личное мнение (oimai — Л. Д., II, 1). Именно эта theia tis propoia — «какой-то божественный промысел», по Льву Дьякону, спас его от гибели в сражении с болгарами.

Лев пишет: «Провидение — pronoia — управляет вселенной!» Но под словом провидение он, оказывается, понимает тоже судьбу Тихе как неосознанную закономерность. Он пишет: «Если бы завистливая судьба baskanos nemesesasa Tyche не прервала жизнь Никифора Фоки, Римское государство достигло бы высшего могущества, но ведь провидение pronoia презирает заносчивый дух человека, укрощает его, обращает в ничто» (Л. Д., V, 8). Здесь Лев Дьякон полностью объединяет понимание и функции судьбы и провидения! Это мы видим и в экономии, в котором он нигде не ссылается на промысел Божий в событиях и деятельности императора.

Мне думается, что это связано с определенным у Льва Дьякона разграничением светской и духовной учености thyrathen kai theian paideian; gnosis tes theias kai anthropines sofias kai epistemes... (Л. Д., VI, 6 и X, 3). Историю Лев Дьякон, очевидно, относил к светским наукам, а не божественным, и потому у него объяснение причин исторических событий дано в духе необходимости, неизбежности. Некоторый налет языческой мысли у Льва Дьякона налицо. Увлечение античным в середине IX—X вв. оказало свое действие! Мы видим это и по рецепции права с его концепциями и по диалогу Филопатрис и по литературным произведениям.

Лев Дьякон далек от Феофана, несмотря на то, что тот был признанным покровителем истории, что «История» Феофана в X в. была очень распространена. Лев обращался не к Феофану, а к Агафию и Прокопию! Это результат его энциклопедического образования и увлечения античностью. Из византийских историков Феофан менее всего связывает себя с историками прошлого в части духа и формы изложения. Наоборот, Лев Дьякон всюду старается подчеркивать свою связь с прошлым, с античными воззрениями, примерами и аналогиями. Непрерывный континуитет ярко выступает на всем труде Льва Дьякона.

Лев вкладывает в уста своих героев призыв к воинам — вспомнить, что они — римляне! «Будем римлянами и покажем благородство нашего народа!» (Л. Д., I, 6). Так же, как и в далеком прошлом, Византию окружают те же варвары: персы, скифы, мисяне. Даже Константинополь он называет Византием, как в древности; он употребляет везде слова и выражения историков прошлого, даже переносит некоторые детали в обрисовке обстановки.

Но это вовсе не «деконкретизация истории», как полагает А. П. Каздан¹⁰. Это говорит о стремлении византийской интеллигенции везде сохранять континуитет, преемственность от античного! Все прошлое и настоящее представлялось как единое. Лев Дьякон цепляется за прошлое, скорбит, что Римская империя в его время находится на краю гибели.

Дидактический смысл «Истории» Льва Дьякона ясен — стремление подчинить историю задачам воспитания народа, читателей в духе стандартной византийской идеологии как союза древнеримского государства и христианства.

Конечно, Лев подбирал такие факты, которые могли бы дать пример для читателей, но никак нельзя считать его «деконкретизатором истории». Стоит только обратить внимание на массу сообщаемых им фактов, например, при описании военных действий, придворных событий. Соблюдение же стиля «аттического» наречия, стандартизация формулировок — это то же, что и в искусстве следование канонизированному шаблону — это забота о сохранении в чистоте традиций прошлого, не отступать от авторитетов прошлого.

Величие прошлого стало настоящей религией византийцев! Прошлое в христианстве святых отцов IV в.! Прошлое в праве Юстиниана! Везде хранить чистоту — и в сохранении в чистоте либо доктрины права, либо религии, либо искусства, — в континуитете византийцы искренно видели силу и счастье своего народа!

* * *

Но Лев Дьякон не был националистом-греком. Слово «эллин» у него обозначало язычника (Л. Д., IX, 6). К соседним народам он относился презрительно как к некультурным варварам. Болгар считает «дикими и жестокими, помышлявшими только об убийствах» (Л. Д. X, 8). Лев передает придуманную им речь императора Никифора болгарским послам, в которой болгары называются «грязным и во всех отношениях низким скифским племенем» (Л. Д. IV, 5), а царя болгарского Петра обозвал вождем, покрытым шкурою и грызущим сырую кожу!» О варварских вождях он говорит с презрением — они корыстолюбивы и продажны! Их можно подкупать (Л. Д., V, 1). Эти качества, так хорошо представленные в позднеримской историографии, Лев перенес и на Святослава! К арабам у Льва Дьякона проявляется особенная ненависть. Это «лжецы, ненасытные звери, праздные обжоры», так много зла причинившие Византии (Л. Д. I, 6). Во внутреннюю историю арабов («агаряне», «персы», «карфагеняне») Лев не вдается. С удовольствием описывает он массовые убийства и опустошения, про-

изведенные византийскими войсками на арабской территории Никифором и Цимисхием!

Но пренебрежения к варварам не носили никакого представления о расовом неравенстве. Византийцы гордились только своей культурой. Расистские положения были чужды византийцам. Наоборот, Лев Дьякон считал, что люди смешанного происхождения обычно бывают особенно энергичны. Так, Лев Дьякон объяснял особо энергичную роль в правительстве Василия, побочного сына императора Романа I, тем, что Василий родился от пленницы «скифского» происхождения (Л. Д., III, 7).

Что же касается народных масс, то Лев Дьякон в своей «Истории» почти не останавливается на положении их при Никифоре, ограничиваясь только приведением обвинений со стороны врагов императора. что он будто бы «безжалостно разорял своих подданных, выдумывая новые, неслыханные налоги» (Л. Д., IV, 6). В противоположность экономию Лев не приводит тех подробностей податного гнета, которые трактовали источники его труда, приведенные потом Зонарой¹¹. В основном Лев презрительно относился к низам: в его представлении народные массы анархичны: «при переворотах праздные из народа (*argoî tou demou*) и неимущие грабят имущество и разрушают дома, а иногда и убивают своих соотечественников» (Л. Д., VI, 1). Это представление у Льва покоилось на той практике демагогии, которой борющиеся стороны старались привлекать в качестве союзников люмпенпролетарские слои населения, представлявшие тогда собой значительную силу в городах. Участие таких масс приводило к погромным методам политических выступлений, дома ненавистных правителей уничтожались, имущество подвергалось разграблению (Л. Д., III, 7; X, 8).

Но наш Дьякон ни в коем случае не игнорирует масс, наоборот, он постоянно говорит об их участии в делах. Интересно отметить, что в восстании Варды Склира, по Льву Дьякону, основной силой были народные массы (Л. Д., X, 8); Никифор возведен на престол при содействии народных масс города и синклита (Л. Д., III, 7).

Лев отмечает легковерие толпы. Разумеется, низы выступали против любого правительства, которое собирает тяжелые налоги и любая апостасия в таких условиях имела широкие возможности в массах. Но массы в то время не могли иметь внутренней сплоченности, неорганизованные следовали за вождем и после гибели быстро рассеивались. Поэтому для подавления народных выступлений нужно было погубить вождя. Когда был убит Варда Фока, те, по Льву Дьякону, по Азии развозили мятежникам отрубленную его голову, и тогда восстание рассеялось! (Л. Д., X, 9).

В то же время Лев отмечает, с какой жестокостью относились к недовольным из народа. Женщина, сбросившая в императора с крыши камень, была заживо сожжена вместе с дочерью! (Л. Д., IV, 7).

Вся жизнь Льва (его происхождение, образование, пребывание при дворе, участие в походах) определила направление социальных взглядов историка Льва. Он восторженно отзывался о способностях, героизме таких политических деятелей, которые принадлежали к крупной

землевладельческой знати — к Фокадам, семейству Склиров, к военным командирам, проявившим себя во время войн. Наоборот, к горожанам он относился холодно. Вопросы торговли его мало интересовали. Он противопоставляет «мужество воина» «корыстолюбию горожанина» *astikon* (Л. Д., IV, 6). Он обвиняет брата Льва в том, что подобно горожанину, он стал из жадности к деньгам спекулировать на голоде, скупая запасы хлеба и продавая по высоким ценам населению столицы! Лев Дьякон в данном случае возмущается перерождением провинциальной знати, которая в условиях товарного обращения быстро сближается в своих интересах с торгово-ростовщической прослойкой горожан.

По Льву Дьякону, участие ремесленников в политической жизни было пассивное, но их легко можно было возбудить, так Вринга побуждает коллегию булочников при выступлении Никифора прекратить выпечку хлеба (Л. Д., III, 7). Ремесленники вообще называются презрительным словом *baupoi*. Лев описывает, как горожане, сторонники Никифора Фоки, при захвате власти учинили грабеж в Константинополе (III, 7; VI, 2). Характерно, что Лев Дьякон нигде не упоминает о существовании цирковых партий¹². Однако, Лев признает горожан решающей силой. Он считает, что если бы Лев Фока поднял бы горожан против Цимисхия после убийства Никифора, то Цимисхий не смог бы удержаться на престоле! (Л. Д., VI, 2).

В отношении к духовенству нужно отметить расположение Льва Дьякона к патриарху Полиевкту, который так энергично действовал после убийства Никифора, требуя изгнания Феофано, матери Василия. Лев сочувственно передает о его стремлении стать выше царской власти. И Полиевкта и Антония Лев Дьякон прославлял и за то, что они были сильны и в божественной и человеческой науках (VI, 6 и X, 3). Но в прочем характеристики патриархов стереотипны — прославляется аскеза, которая с X в. начинает пользоваться широкой популярностью в обществе.

* * *

Политические взгляды Льва Дьякона в «Истории» прямо противоположны тем лстивым восхвалением Василия II, которые он произносил в энкомии за праздничным столом у императора. Судя по «Истории», Льва ни в коем случае нельзя признавать лояльным приверженцем Македонской династии, каковым он старался себя представить в энкомии (§ 8), где возвеличивал величайшие достижения предков Василия II и, с другой стороны, причем совершенно несправедливо, утверждал, что нарушители законности (*pareggraptoi*) довели царство почти до гибели.

Независимо от того, какими источниками пользовался Лев Дьякон, политическая его тенденциозность проявляется совершенно явственно. Императором Никифором он, можно сказать, восторгается. Он приводит впечатления своей юности, когда его удивляло спокойствие императора во время народного волнения в Константинополе. Он восхваляет военные доблести Никифора и замалчивает непопулярные мероприятия Ни-

кифора (тетартерон): Лев буквально показывал в «Истории» свою приверженность ко всему роду Фок. О Никифоре Фоке он отзывался так: «Мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла, умом, благоразумием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время (Л. Д., III, 8). Мы уже говорили о его восторженной оценке Льва Фоки, который обладал будто бы, по мнению Льва Дьякона, какою-то божественной силой (Л. Д., II, 1).

Лев Дьякон полностью присоединяется к своему источнику, проводящему официальную версию захвата Никифором власти. Так, ни Кедрин-Скилица, ни Зонара не сообщают о том коварном замысле, который будто бы имел паракимомен Иосиф против Никифора. Как мог знать «принципиальный» Никифор мысли Иосифа? (Л. Д., II, 11). Это — оправдание переворота 963 г.

Более холодно, хотя тоже в сочувственных тонах, Лев характеризует императора Цимисхия.

Совершенно по-другому относится он в своей истории к лицам из Македонской династии. Мы можем недоумевать, как в Византии, во время правления императора Василия II в своей «Истории» Лев Дьякон мог так непочтительно отзываться об отце царствующего императора — Романе II. Ведь в «Истории» говорится, что император Роман был вовлечен в противоестественные пороки, проводил время с компанией развратников и обжор (Л. Д., II, 10). Особенно враждебно относится историк к матери Василия — Феофано она и низкого происхождения (II, 10). Намекает, что император Роман II был отравлен ядом из женской половины (т. е. мать императора Василия II отравила отца Романа!). Описывая убийство императора Никифора, основную вину Лев Дьякон перелагает на Феофано, которая руководила заговором, содержала в своей женской половине убийц! Называет действия Феофано с Цимисхием злодейским сообществом (Л. Д., V, 6).

Поражает, что историк, писавший свой труд в правление Василия II, на протяжении глав описания правления Никифора и Цимисхия ни разу не обмолвился, где и в каком положении находились законные императоры — молодые Василий и Константин. Они как бы не существовали!

Относительно самого Василия II Лев пишет письма свободно. Он приписывает вину за поражение, нанесенное болгарами, горячности и неразумию молодого императора, который думал одним ударом покорить Болгарию! (Л. Д., X, 8). Безусловно, распространение «Истории» Льва Дьякона в таком виде во время правления жестокого Василия II было бы немислимым!

Но мы не можем подходить к истории Льва как к труду, уже опубликованному вслед за его завершением. Труд его был окончен потому, что далее он не стал писать, переделывать рукопись тоже не стал. И можно думать, «История» такой и осталась до конца его жизни, после чего труд попал к какому-либо любителю рукописей, а затем и стал использоваться как историческое самостоятельное произведение (так в стдельные рукописи Скилицы попали выписки из «Истории» Льва Дьякона).

Именно этим и объясняется то обстоятельство, что Льва Дьякона в предисловии Кедрин и Скилица называли по-разному: Львом Асийским и Львом Кариин... Разумеется, заголовок «История Льва Дьякона» написан не самим Львом, а тем лицом, в руки которого попало это сочинение, поскольку из самого труда можно было получить только одно сведение об авторе, что тот был одно время дьяконом.

* * *

Теперь следует перейти к энкомию.

Лев писал свой труд под влиянием страшных неудач в первое пятидесятилетие правления Василия II. Нельзя и думать было о его публикации. Но не может быть, что о его труде не знали близкие. Возможно, распространились слухи, которые могли дойти до императора. Лев обычно не принимал участия в льстивых выступлениях в честь молодого императора. Он молчал. Он был все еще сторонником династии Фок. Судя по пессимистическому настроению «Истории», Лев Дьякон не доверял прочности власти такого императора-неудачника (поскольку сам де император признавал себя таковым!).

И вот когда положение упрочилось, когда после подавления восстания Варды Фоки наступило «глубокое спокойствие», Лев Дьякон решил прервать свое молчание и перейти в ряды восторженных сторонников императора! И вот очевидно на торжественном обеде Лев решился выступить со своим «возношением», «которое подобаёт приносить» при этих приемах.

Это так называемые «застольные речи» (*epitrapezioi logoi*), которые произносились вроде наших тостов¹³. За царским обедом обычно, как показывает придворный церемониал X в., раздавались подарки. Совершенно уместно было в тосте восторгаться щедростью императора, восхвалять политику, которую вел тогда император, и желать ему и впредь быть таким же щедрым на подарки! В таком духе и составлен был энкомий!

Энкомий начинается витиеватыми извинениями. Льву неловко, что он так долго молчал, не присоединился к хору восторгавшихся императором; он оправдывался своим «недостаточным образованием», неумением говорить и что только исключительные доблести императора заставили его выступить. Далее, Лев, не проявлявший вовсе в «Истории» своих восторгов деяниями императоров Македонской династии, теперь заявил, что нет смысла хвалить предков императора, ведь они очевидны, и не признавать их — вовсе равно, что не признавать солнце! Затем воздается восхваление воздержанной жизни императора — в этом отношении Лев отметил то, что действительно всем бросалось в глаза — император как бы отрекся от личных страстей, отдав себя всего государству. Это — конкретная сторона восхвалений среди громких фраз самой прямолинейной лести о том, что император принес счастье империи, которая пришла почти к гибели от разрушителей престолонаследия, т. е. претендентов на престол! Затем Лев отметил, что и после того, как власть его укрепилась, он не возгордился и по-прежнему жизнь свою отдавал служению государству. Отметил милосердие импе-

ратора в отношении к врагам, очевидно, имел в виду прощение Варды Склира (§ 9). И тут же витиеватыми словами стал оправдывать императора за проведенные им перемены в управлении, что он снял некоторых полководцев, не отличающихся воинственностью, с военных постов, а гражданских лиц, не отличившихся мудростью, не допускал к управлению государством! Этим Лев одобрил политику Василия оттеснять представителей высшей провинциальной знати от руководящих постов в армии и государственном аппарате (§ 11). Эта политика императора против феодализирующейся провинциальной знати превозносится и далее в энкомии.

В энкомии Лев говорит об основной проблеме внутренней политики Василия — об обуздании слишком стремительного процесса феодализации, смягчении темпов экспроприации земельной собственности свободных общин. Лев возвеличил императора за то, что он ограничил тираническую волю тех, которые, подобно пиявкам, стали пожирать чужое добро... (§ 12). Как раз перед изданием новеллы 996 г. император повсюду разъезжал и принимал меры против захватов крестьянской собственности. Именно этот период, завершившийся изданием новеллы 996 г., и отметил Лев в энкомии.

Преувеличенно гиперболически превозносит Лев царя за его заботы о бедноте. Это было в духе официальной доктрины демагогической политики императора, защищавшего принципы централизации против провинциальной знати.

Говоря о милосердии императора, оратор перешел к личным интересам придворного окружения и лиц, представляющих государственный аппарат, превозносил щедрость императора, видя в ней проявление величия царской власти. Судя по этим словам, Лев Дьякон полностью выразил идеологию сановой знати, которая получала выгоды от централизованной формы эксплуатации через пожалование подарков и различных щедрот со стороны императора, возглавлявшего государственный аппарат. Эту идеологию сановой константинопольской знати Лев Дьякон часто проводил и в «Истории», подобным же образом восхваляя императора Цимисхия (Л. Д., VI, 5). Ничего не говорит Лев в энкомии о завоеваниях. Их еще не было. Те победы, о которых говорится в энкомии, — это только победы над претендентами. Это обстановка перед 990—996 гг. — относительное спокойствие внутри страны, лихорадочные мероприятия Василия против динатов, о которых было потом рассказано в новелле 996 г. (Филокалес, Мелиссин, Фокады и т. д.).

Мы можем полагать, что Василию энкомий понравился и своими гиперболами и главное выставлением на первый план его основной деятельности — борьбы против динатов, которые так много ему причинили зла! Энкомий поэтому попал в число примерных и таким образом был помещен в соответствующую рукопись вместе с энкомиями весьма видных деятелей. Так что Дьякон Лев сумел ловко произнесенным словом избежать преследования. Само собой после энкомия у Льва не было уже никакого желания ни продолжать историю, ни даже просматривать и переделывать! Мы не знаем точно ничего о его судьбе после произнесения энкомия.

Однако имеется довольно соблазнительная теория о дальнейшей карьере Льва Дьякона. Должность придворного дьякона с энциклопедическим образованием, оратора, умного и ловкого человека была преддверием к светской или духовной карьере! Уже с конца XIX в. считали, что в дальнейшем историк Лев Дьякон стал митрополитом Карики! Наиболее убедительно выдвигает это положение в 1965 г. Николай Панагиотакис¹⁴. Исходным моментом этой теории является введение к хронике Кедрина. Как известно, Кедрин весьма точно списывал у Скилицы. Списал он в основном и введение к труду Скилицы, но в одном месте его подправил. Скилица в числе историков византийских называет Льва Асийского — *Leon ho Asinos*. Это вполне подходит к Льву Дьякону. Но Кедрин, точно воспроизводя имена других историков, вместо *Asinos* написал *ho Karias* — обычно переводили «Лев из Карии». С некоторой натяжкой можно было называть Льва Калойского и Кариийским, так как провинция и митрополия Кария находилась по соседству с родиной Льва. От митрополита Льва Кариийского сохранились письма, написанные очень витиеватым языком, похожим на язык Льва Дьякона с некоторыми параллельными по словоупотреблению местами.

К тому же, как показал Панагиотакис¹⁵, слова *ho Karias* нельзя переводить так, как было бы *Leon ek Karias*. Оборот *ho Karias* встречается при обозначении епископов или митрополитов данной провинции.

Все это делает возможным, что Василий II после энкомия провел угодливого и образованного Льва Дьякона в митрополиты Карики. Правда, встречаются трудности: 1) обычно при рукоположении в митрополиты меняют имя — следовательно, митрополит Лев не был дьяконом Львом! Но перемена имени не была обязательной. 2). До нас дошли данные только о двух митрополитах Карики по имени Лев, один в 1066 г., другой в 1278 г. Нет сообщений, что во время правления Василия II был митрополит Карики по имени Лев. Если Кедрин говорит в своем введении о митрополите Карики, то безусловно он не мог иметь в виду тех двух митрополитов 1166 и 1278 г., поскольку они хронологически не подходят ко времени жизни Кедрина, смерть которого можно самое позднее отнести к началу XII в. (его история кончается 1057 г., и он не знал продолжения труда Скилицы до 1079 г.). То обстоятельство, что Кедрин говорит о Льве-митрополите Карики, является свидетельством, что помимо двух поздних был неизвестный в документах митрополит Карики Лев, живший в правление Василия II, кому и можно отнести сохранившиеся три письма. 3). Имеются сведения, что митрополитом Карики в 997 г. и в 1030 г. был Иоанн. Если это одно лицо, то для Льва — митрополита Карики места нет. Трудно допустить, что Лев занял митрополичий престол после 1030 г., уже будучи восьмидесятилетним. Остается предположить, что Иоанн в 997 г. и Иоанн 1030 г. разные лица и что между ними митрополитом Карики был наш Лев Дьякон! Это, конечно, возможно. Трудно допустить, что одно лицо — Иоанн был митрополитом более 33 лет! Все это говорит о том, что ничего доказательного в теории Панагиотакиса нет, но тем не менее имеется большая доля возможности, даже вероятности для отождествления Льва Дьякона с митрополитом Карики, автором трех писем.

Сделана еще попытка отождествить Льва Дьякона с Львом митрополитом Синады. Имеется свидетельство, что Лев митрополит Синады был историком во время правления Василия II¹⁶. На основании писем, сохранившихся в переписке, митрополита Синады¹⁷ (в провинции Каппадокия I, по Гиероклу) была выдвинута другая теория почти одновременно И. Сикутрисом и Х. Грегуаром о том, что митрополит Синады и Лев Дьякон одно лицо. Алкивиад Сакеллион в 1892 г. и П. Шрамм в 1925 г. опубликовали 9 писем византийского дипломата Льва, который в 997—998 гг. был отправлен к императору Оттону. Грегуар и замечает, что Лев Дьякон вероятно впоследствии был назначен Василием II дипломатом. Сикутрис доказывает на основании этих же писем, что дипломат Лев Дьякон в дальнейшем стал митрополитом Синады¹⁸.

Однако эта гипотеза слабее аргументирована, чем предыдущая: во-первых, нет связи с предисловием Скилицы — Кедрина, а во-вторых, по исследованию И. Даррузе, дипломат Лев в год письма (997) был значительно старше, чем Лев Дьякон¹⁹, следовательно, Лев из Синады мог быть только источником труда Льва Дьякона.

Таким образом, попытки проникнуть в определение дальнейшей карьеры Льва Дьякона при настоящих данных источников не представляется возможным. Совершенно ясно, что помимо историка Льва Дьякона во время правления Василия занимались историей и митрополит Кари и митрополит Синады, но их отождествление с Львом Дьяконом или же признание их трудов источником, которым пользовался Лев Дьякон, установить пока невозможно.

Пессимизмом веет от истории Льва Дьякона. Он считал причиной своего настроения в основном катастрофы, связанные с внешними сношениями и стихийными бедствиями. Но он не мог понять сущности явлений того времени: в X в. кончился важный период византийской истории — период господства в хозяйстве Византии свободной крестьянской общины и начался новый период — преобладания феодальных институтов и провинциального феодального землевладения.

Тяжелые для народной массы переживания этого времени, времени постепенного уничтожения свободного мелкого землевладения крестьян и развития форм зависимости внутри народных масс, создавали настроение пессимизма.

В среде же господствующего класса тревожные перемены, волнения, апостасии, активность масс вызывали чувство неустойчивости своего положения, неуверенности и пессимизма. Твердое правление Василия II, его умелое маневрирование между социальными силами, удачные внешние войны — все это на некоторое время создало впечатление устойчивости. Лев Дьякон не мог продолжать свою историю, дальнейший блеск царствования Василия II не гармонировал с его внутренним пессимистическим настроением.

Продолжение «Истории» Льва Дьякона писал философ Михаил Пселл; знаменитый его исторический труд, в основном касающийся истории Византии после блестящего правления Василия II, тоже был в сущности проникнут пессимизмом.

¹ G. Moravcsik. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958, S. 599.

² I. Sukoutres. *Leontos tou diakonou anekdoton egkomion eis Basileion ton B'.*—*Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon*, X, 1933, 425—434, *Egkomion*: 426—430.

³ В истории Льва Дьякона значится: (после землетрясения) «император Василий восстановил эти разрушения в 6 лет». Эту фразу нужно считать вставкой переписчика: 1. Если принять фразу за подлинный текст истории, то нужно прийти к выводу, что Лев писал свою историю многим позднее 996 г., что невозможно, поскольку Лев утверждал о полном отсутствии побед византийских императоров над болгарами. К тому же фраза не точна. У Яхьи, который дает весьма точные хронологические сведения, это восстановление купола относится на 18-й год правления Василия, т. е. не в 6, а в 4 года! Это тоже говорит, о том, что Лев Дьякон не мог дать такую неточную приблизительную датировку! Вся настроенность исторического труда Льва Дьякона не дает возможности отнестись к окончанию его труда ко времени после 995 г.!

⁴ Относительно датировки Сикутрис (ук. соч., стр. 430) считает, что именно в начальный период царствования Василия был произнесен энкомий, ссылаясь на то, что в § 6 говорится о молодости Василия. Но слова *kai de arti men* (§ 6) можно понимать как стилистическую фигуру — «И вот еще совсем недавно», — особенно приняв во внимание выражение «с самого начала» *ek proteles grammes* (§ 7) в отличие от последующего!

⁵ Новелла 988 г., пер. В. Г. Васильевского. Материалы для внутренней истории византийского государства.—*Журнал Министерства Народного Просвещения*, т. 202, стр. 229.

⁶ Можно полагать, что Лев Дьякон получил и нечто соответствующее средней школе *egkyklios paideia* и высшее образование *egkyklios paideusis*. N. Panagiotakes. *Leon ho diakonos*. Athenai, 1965, s. 6. R. Browning. *The Correspondance of a tenth century Scholae*. Byzantion, t. XXIV (1954).

⁷ Migne, *Patrologia Graeca*, CVI, col. 416 B.

М. Сюзомов, Об источниках Льва Дьякона и Скилицы.—«Византийское обозрение», т. 1. Юрьев, 1916, стр. 166; Он же. О происхождении слов Рос, Россия.—*Вестник Древней Истории*, 1940, № 2.

⁸ Прокопий. *Bella Persica*, ed. Haury, Lipsiae, 1963, v. I, p. 5, 4—5.

⁹ Так как рождение Христа христианские богословы и компутисты рассчитывали из мистических соображений на 5500 г. от сотворения мира, то 1000 г. после рождества Христова $5500 + 1000 = 6500 - 5508 = 992$. Отметим, что Лев употребляет слово сочетание «как многие полагают» в настоящем времени, что подтверждает положение об окончании труда Д. Льва до 992 г. P. Alexander. *Historiens byzantins et croyances eschatologiques*. Actes du XII Congrès International d'Etudes byzantines, t. II. Beograd, 1964, p. 5. A. Vasiliev. *Medieval Ideas of the End of the World*. West and Est. Byzantion, 1942—3, p. 488.

А. А. Васильев считает, что, несмотря на весь свой пессимизм, Лев Дьякон не верил, что предстоит второе пришествие Христа в результате роковых примет. П. И. Александр, однако, признает совершенно обратное этому. Мы полагаем, что дословный перевод текста Льва Дьякона свидетельствует о том, что он относил это верование многим, но сам не присоединялся к нему. Слова Льва в 10-й книге 168, 22—169, 13 полностью подтверждают, что поскольку в перечислении бедствий Лев не указывает на второе пришествие. Правда, Лев Дьякон прибавляет, что он напишет историю, если Божий промысел не закончит его жизнь и если «не изменит образ мира сего». Это слова апостола Павла (Корин. 7, 91). Но цитата приводится в обратном смысле. Павел убеждал прекратить всякие заботы о семье, потому что до конца света времени осталось мало! Если бы Лев верил в пришествие 992 г., то зачем же он в таком случае берется закреплять в памяти людей события? Если он и верил в конец света вообще, то он не присоединялся к лицам, ожидавшим этот конец в 992 г.!

¹⁰ А. П. Каждан. Византийская культура (X—XII вв.). М., «Наука», 1968, стр. 172—3. Он же. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский.—«Византийский Временник», т. 29, стр. 192.

¹¹ Ioannis Zonarae *Epitome Historiarum*, ed. Dindorfius. Lipsiae, 1899, v. IV, p. 192.

¹² E. Guillard. *Études sur l'Hippodrome de Byzance*.—*Byzantinoslavica*, XXIX,

I, 1968, p. 33; деятельность партий цирка была прекращена при Василии I. Georgius Monacha — Theophanes Continuatus, ed. Bonnae, p. 356.

¹³ ...epitrapezious logous.— I. Sukoutre, EEBS, X, 429.. По письмам Арефы — Byzantinische Zeitschrift, 47, 1954, S. 28. F. Koukoule. Bios kai politismos, t. V, Athenai, 1965.

¹⁴ N. Panagiotake. Leon ho diakonos. Athenai, 1965, s. 16—38.

¹⁵ Ibid., s. 27.

¹⁶ В каноническом сборнике G. Ralles — M. Potles. Syntagma ton hieron kanonon. v. V, Athenai, 1855, p. 393:

«В правление Василия Порфирородного епископия Коринф передана митрополии Патр, как пишут Севастийский Федор и Лев Синадон».

¹⁷ I. Darrouzès. Epistoliers byzantins du X siècle, Paris, 1960, p. 165—210; I Sukoutres. Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon, t. IX, 1932, p. 473 sq.; H. Grégoire — P. Orgels. La chronologie des Patriarches de Constantinople et "Question Romaine" à la fin du X siècle.— Byzantion, v. XXIV, 1954; N. Panagiotakes, op. cit., p. 39; A. Sakellion. "Soter". Athen., 1892.

¹⁸ P. E. Schramm. Kaiser Basilius und Papst in der Zeit der Ottonen. Historisch. Zeitsch., v. 129, 1924; ders. Neun Briefe des byzantinischen Gesandten Leo von seiner Reise zu Otton III aus den Jahren 997—998. Byzant. Zeitschr., v. 25, 1925, S. 89—115.

¹⁹ J. Darrouzès. Inventaire des épistoliers byzantins du X siècle.— Revue des Études byzantines, v. XVIII, p. 122, хотя Н. Панагиотакис делает попытку опровергнуть Даррузеса, допуская возможность более поздней датировки письма дипломата Льва.

Приложение. Перевод с греческого.

**Энкомий Льва Дьякона
(затрапезная речь в честь императора Василия II)**

1. Лучше было бы, благороднейший государь, если бы я к своему душевному порыву не присоединял свою речь, но сохранял привычное молчание, чтобы у слушателей на эту речь вместо восхвалений и рукоплесканий не разразился бы смех, словно я, как это говорится в пословице, своими грязными руками пытаюсь вознести в качестве приношения божеству то самое возвышенное, что являлось предметом моих речей. Ведь я полагаю, что только тем приличествует предоставлять право на выражение восторга, которым дана способность не только проявлять свой душевный порыв, но тем, которые могут и выступать с речью соответственной предмету восхваления.

2. Но так как военная слава и достойные восторга достижения твоей благородной и подлинно царственной души вызвали порыв восхищения твоими способами правления не только у тех, которые искусны произносить речи и умеют говорить по-аттически, но вызвали душевные порывы и у тех, кто имеет хоть сколь-нибудь из тех способностей, то считал бы совершенно неприемлемым чтобы и я сам, хотя и незнатного происхождения и ничем себя мужественным и выдающимся не озаменовал, тем не менее не присоединил и свой взнос к подобным возношениям, чтобы не показать себя как бы стоящим выше других и не воздающим должное!

3. Ведь я полагаю, что подобно тому, как достойны порицания те, кто приносят свою добычу стратигам только в конце общего распределения добычи, так и те, которые получили способность выступать с речами, и тем не менее не возносят правителям совершенно достойные для них прославления, но и этим отстраняют себя от них. Ведь у древних было правильно положено, как я думаю, каждому желающему выделять (в речах) то, что его касается и возвеличивать лучшее.

4. Вот поэтому теперь я, ободренный твоей гуманностью, вступил в состязание в прославлении твоих доблестей, хотя я и нечасто посыпал себя песком для такого рода состязания, чтобы быть победителем как на олимпийских играх, но надевал на свои уста словно какой-то сковывающий язык намордник молчания.

5. Вошло в обычай для придания изящества в подобного рода выступлениях сначала перечислять достижения прошлого и доблести пред-

ков и затем проводить (от них) словно по течению похвалу к прославленному. Но мне кажется это искусственным, совершенно пустым и бесполезным, когда дело идет о прославлениях именно твоих доблестей. Но зачем растрачивать время в проявлении остроумия в том, что и так очевидно? Ведь не признавать добродетелей и военную славу твоих предков, могущественный государь, равняется непризнанию солнца! Ты же, как говорит Платон, «от столь добродетельных произошел добродетельным», но их доблесть не может считаться достаточной, чтобы воздать честь достойную тебя. Однако ты считал бы себя обиженным, если не признать, что ты (не только доблестью) но и своими трудами превосходишь их.

6. И вот, лишь только ты достиг такого возраста, при котором природа, по большей части, не может дать понимания многого из явлений — ведь в этом возрасте так много разнородного и разноречивого подобно мифологической многоголовой Лернейской гидре, когда полчище страстей словно в тесных берегах волнуется и разбивается друг о друга, когда каждая из них разгорается сама собой и как тифон низвергает вовлекшихся в бездну. Ты же, с самой исходной черты показал, какой высоты сможешь достигнуть в прекрасных делах.

7. Ведь ты не склонялся ни к наслаждениям, ни к гневу, ни к чему подобному животной дикости — но царственно направляемый умом — руководителем ты принудил успокоиться волнам влечений твоего возраста, низвергнув словно тиранию господство страстей и приблизившись к самой царственной из всех доблестей (разумная душа), вслед за которой, как за старшей явилась триада сестер, отклоняя все противоречащее (разуму).

8. Ты настолько вознесся (своими доблестями), что делаешься величием своей природы и прямою поступков как бы обязательным примером и образцом и даже честью царства... и вот здесь на этот покрытый славой прародительский трон ты, преисполненный лучшего, воссел, и я не имею возможности сказать — рога ли это Амалфеи и жизненные блага со всей ойкумены или же это текущая золотом река и страна, богато покрытая самыми прекрасными цветами, — это то, что ты пожертвовал царству за полученный тобой этот трон. Ведь нужно же было это царство, загубленное негодными методами правления незаконных похитителей престола и которое уже как бы едва дышало, привести в жизнь и призвать к древнему благородству.

9. Когда же ты стал располагать уже весьма значительной властью, ты не стал себя ни в чем превозносить, ты не возгордился величием и высотой этой власти, это то, от чего кто-либо другой совсем потерял бы рассудок. Но только не ты, могущественнейший царь! Как же это могло быть? А это потому, что следуешь древним законам, отличавшимся здравым непреклонным суждением. Ты с осторожностью прибегаешь к спокойным бесстрастным решениям. Ведь ты по благородству твоей души не втянулся, как неуправляемый корабль, в пучину удовольствий. Но ты так перевоспитал себя в сторону разнородных доблестей, что полностью превратил себя в философа и тем предохранил себя от бурных проявлений страстей.

10. Разве кто показал себя подобным образом, как ты, лишенным воздействий страстей к наслаждениям и неумолимым к проявлениям гнева? — ведь ты в отношении провинившихся подданных поступаешь не так, как свирепые врачи, не отсекаешь как загнивающие члены тела, но действуешь в отношении к ним совсем иным средством — лечением убеждениями — ... самым милосердным образом возвращаешь к той литургии, к которой они были привлечены раньше. Ты ведь знаешь, что хороший человек, как подобает, не должен воздавать злом за зло, но следует показать себя добродетельным и многим вышестоящим от тех, кто творит зло. Именно это — божественная добродетель, а то (воздаяние злом) проявление произвола и низменной силы.

11. Разве кто другой подобным образом по справедливому решению и безошибочным решениям приводит подвластного к полезной деятельности и направляет так, чтобы избежать неправильного использования его ума, а именно — невоинственным и несмелым не предоставлять военных должностей, а недостаточно образованных и не сведущих в искусстве управления не назначать на гражданские должности, но те и другие распределяются своевременно и к обоюдной выгоде (т. е. и самого лица и государства).

12. Но кто же сокрушил наклонности к тирании и корыстолюбивое насилие, устремляющееся во вред ближних и тех, кто методами наподобие пиявки производил грабеж, не имея никогда какого-либо пресыщения? Кто же как будто раскаленным железом — неоспоримым законом это пресек, чтобы оно никогда уже не встречалось в дальнейшем? И вот ныне уже нельзя увидеть ни обижающего и ни обиженного, и уже не представляется достойное трагедии зрелище, как люди силой отрываются от своих родных и изгоняются по незначительным и случайным предложениям!

Ты только один смог героически сдержать неудержимый порыв и мощно потушить всеобщий пожар.

13. Однако я совершенно не замечая, что я как бы пытаюсь измерить потоки Нила! Я полагаю, что легче на гнилом судне переплыть Атлантическое море, чем как следует описать мощь и величие твоих подвигов. Я ведь должен был бы, касаясь этого, уступить место тем, которым самый образ жизни дает возможность прославлять в соответствующих исследованиях, что же касается моего образа жизни, то мне выпало только немногим дополнять сказанное другими.

14. И пусть это (выступление) не покажется кому-либо каким-то искусственным восторгом или же как бы угодническим собачьим маханием хвоста перед господином. Разве происходящее впоследствии не будет разъяснено? Разве то, что связано со лживым славословием, может претендовать на долговечность? Я полагаю, что все воспринимают одинаково то, что находится под глазами, за исключением когда кто-либо сознательно из зависти загнаивает свои глаза. Я говорю о твоей каждодневной заботе, о страдающих от голода, о тех, которые мучаются от холода, томятся в нужде и находятся под угрозой смерти; ты не только предоставил им кров, но и накормил их вполне достаточ-

ной пищей. Ты и теперь еще не прекратил предоставлять им щедро то, что является выражением твоего милосердия.

15. Ведь правдиво понимающие явления утверждают, что творить добро является общим и для бога и для человека, причем со стороны бога — в большей степени, со стороны человека — в меньшей, соразмерно величию каждого. Однако ты связал и то и другое в себе и соединился в милосердии, если эта мысль не является кощунством, с самим богом. Ты направляешь всю свою деятельность в сторону добродетелей, и настолько щедро раздаешь в руки (нуждающихся) средства из казначейств, что не случится ли необходимость прибегнуть к бережливости в отношении казны? Но и солнце прежде откажется рассылать свои лучи тем, что живет на земле, чем ты решишься отказаться от этих раздач.

16. Словно бурливый источник, текущий блистающими и чистыми струями, оплывает, вокруг всю местность и не позволяет гибнуть от засухи безводные участки, обильно оставляя влагу, он одушевляет землю и сверх того предвозвещает богатый урожай. Так и ты, милосерднейший, великодушно распределяя нуждающимся свою милость и щедрыми дарениями утоляя их жажду, не позволяешь разгораться очагу нищеты и сжигать все подвластное. И теперь вследствие этого можно всем желающим видеть тех, которые недавно еще были расслаблены страданием и имели мертвенного цвета внешность тела, они, приобретая теперь здоровый вид, ликуют, полны энергии в результате призыва их к жизни вопреки всем ожиданиям.

17. Но где же теперь те блестящие деятели красноречия, которые слащавостью периодов и фигур речи и гиперболами в изложении вещей с чрезмерной важностью расхваливали каких-то Ксерксов, Киров и Александров и к тому же оправдывали Камбизов и Помпеев? Я полагаю, что если бы и эти лица присутствовали здесь, то они почувствовали бы себя полностью униженными твоими достойными удивления делами и (от сравнения) находились бы в таком же положении как луна, ведь она прелестна, когда во время своего полнолуния и если она в то время не заволакивается облаками, и далеко распространяет свой свет, освещая дорогу путникам. Но как только светоносное светило отделяется от горизонта и начнет приближаться к небесному полюсу небосвода, луна начинает затемняться, остается видной для наблюдающих словно бледный, тусклый диск, как светильник с гаснущим фитилем, настолько превозносятся и возвышаются над другими твои дела.

18. Так кто же осмелится рядом с делами других выставить твои дела, чтобы познать разницу между ними? Но я не полагаю, что тот человек в состоянии здраво мыслить, разве только если это не тот, который, как говорится в пословице, имеет в глазах известные по комедии гнилые тыквы! Ведь ты своею деятельностью превосходишь самых мужественных силой своего духа и самых опытных и что особенно нужно отметить — мужеством, как я сказал, ты превосходишь самых мужественных, деятельностью — самых опытных, а тех и других — своим превосходством. Озаренный сиянием столь многочисленных и столь великих доблестей ты переукрашиваешь своими доброе-

телями все пространство, находящееся под солнцем, — ты вместил в себе такое объединение душевных благ, что их блеском озаряешь все подвластное!

19. Вот видишь, какой нестройный набор слов я произнес тебе, могущественнейший царь! Я не в состоянии похвастаться изысканным благородством выражений, не внес от себя ничего разъясняющего, ничего обобщающего. Но, выступая, я и был движим желанием воздать тебе благодарность за то благо, которое ты сделал в отношении меня, что ты меня, незначительного, не обошел своим вниманием, но включил в разряд своих слуг вследствие твоей личной расположенности, на которую тебя всегда направляет твоя чистая и самостоятельная душа. Ведь настолько утвердилось в тебе какая-то ненасытная потребность творить добро, что скорее не будет кого-либо просящего, чем ты перестанешь дарить и распределять. Одновременно (с выражением благодарности) я выполняю тот узаконенный взнос, который следует преподнести (на трапезе).

20. И я желал бы, чтобы ты наслаждался этим, благороднейший царь, раздачей достойным пышных щедрот и чтобы не только теми словословиями, которые попусту провозглашаются для слуха, но чтобы и в глубине души обитало на долгое время и для тебя располагалось величие власти, счастье во всех делах управления вдохновляемом и благоденствия свыше и чтобы отсюда дуновения блаженства всоудешляло подвластное и чтоб оно предстало изобилующим всевозможными душевными наслаждениями.